

Шайтаны / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Шайтаны / рассказ ШАЙТАНЫ

1.

Автомобиль заглох, застряв в тумане.

– Сюда, давай, – слышались голоса. Зашуршали пакетами, захлопали дверями «газели». Стало слышно, как кто-то, приближаясь, чавкает грязью.

– Здесь сыро, надевайте кофты, – сказали Наиде женщины, закутывая круглые головы в длинные, с бахромой, платки и неловко вылезая наружу с полиэтиленовыми пакетами.

Пахло землей, чабрецом, сыростью, а издали – вареным мясом. В тумане встретились невидимые голоса и руки.

– Облако село, сейчас сойдет, – произнес чей-то хриплый бас.

После глухих приветствий, вздыхая и перешептываясь, начали красться вверх по каменистой улочке. Их вел Шапи, сын покойного Хасана. За ним – отец Наиды и приехавшие друзья Шапи, кто-то лакец, кто-то – цунтинец, кто-то русский. За Наидой, касаясь ее руками, шли родственницы.

Пение слышалось еще издали, мешаясь с далеким шумом реки и голосами. Миновав еле видный внутренний дворик, где растаял Шапи с друзьями, Наида и спутницы прошли в комнату, набитую женщинами, которые сидели на треугольных бацадинских табуретках, подушках, а то и просто на коврах и читали зикр. Начались тихие соблезнования, объятия и всхлипывания. Наида протянула хозяйке свой пакет с подарочными носками и полотенцами, та прижала ее к груди. Пришедшим сразу подали белые вышитые подушки, и они уселась у порога, поджав колени и склонив головы.

Баху в коричневом бархатном платье сидела в центре и медленно, с придыханиями читала аят, предшествующий тысячекратной священной формуле. Затем звякнула четками и завела громко лаилаһа илалаһ, и вместе с ней – хором, остальные. В проеме

двери показалась и снова исчезла любопытствующая детская фигурка. Потом за стенкой загремел, скатившись, металлический чан и снова стал слышен только ускоряющийся рефрен «нет божества, кроме Аллаха».

Раскрасневшись, Баху качала головой из стороны в сторону, упрямо ударяя на первое «ла», как будто силясь столкнуть со скалы большой камень. Кто кричал громко, прикрыв глаза, кто едва шевелил губами, развернув ладони к лицу так, будто собирался умыться. Наида поймала себя на том, что бессознательно слегка нагибается при каждом повторе. Закончив зикр, принялись за разговоры. Баху, откинувшись, отдыхала.

– На Белала букІоне1 Санит после зикра в обморок упала, – сказала тощая белокурая женщина в темно-синей юбке. – Прямо после шахада2 свалилась.

– Ба! – удивилась молодая в шифоновой косынке.

Занесли глубокий таз, в котором дымились большие, похожие на пельмени, курзе с мясом.

– ХІасанил рохІалье щвайги3, – пробасила Баху, беря хинк в руки и высасывая из него бульон.

– Амин, амин, – заговорили остальные, протягивая руки к еде.

– Как Амир твой, Бильма? – вполголоса обратилась к приехавшей с Наидой женщине сидящая рядом толстушка.

– Ничего, пу-пу машалла.

– Я слышала, у него проблемы были, – продолжила толстушка, тревожно заглядывая Бильме в глаза.

– У кого? – слышались вопросы.

– У Бильминого сына.

– Оставь да, Тайбат, тебе больше всех надо что ли? – отмахнулась молодая в косынке.

– Я переживаю просто, ва! Хасан, мунагьал чураяв4, живой был, даже спрашивал про Амира. Амир, говорят, с убитым Абуса сыном общался.

– Его уже замучили этими хабарами. Что все пристали к нему, не пойму? – вспылила Бильма. – Один раз с человеком поговорил, тут же повсюду таскать начали.

– Щиб ккараб5? – заволновались бабушки, вытягивая ноги в

темных шароварах.

Им перевели.

– Абуса жена тоже говорит, ее сын ни при чем был. Думает, его похитили, оружие ему подкинули, а потом убили, – сообщила Тайбат.

– Астаупируллаб, – раздалось со всех сторон.

– Может так и было, откуда мы знаем, – вставила Бильма, – а вообще, я не знаю, мне главное, чтобы от Амира отстали. Сейчас, пу-пу, машалла, его не трогают.

Все хором заговорили.

– Что говорят? – спросила у Бильмы оказавшаяся в комнате лачка.

– Жениться, говорят... – улыбнулась Бильма. – Женишь их теперь, трудно стало женить.

– У вас много таких ребят? – спросила лачку Тайбат.

– Вагон! – хлопнула та ладошами. – Все их знают.

– У нас тоже знают, – удовлетворенно отметила Тайбат, высоко поднимая полную руку с капающим хинком. – Даже в некоторых селах свои мечети есть у них.

– Уллубий здесь мечеть, видели, построил! – обрадовано сообщила Баху, с аппетитом доедая содержимое таза. – Миллион, говорят, отдал из кармана!

– Я в Махачкале у них в новом доме была, – тут же загорелась Тайбат. – Три этажа, короче, а на мансарде мечеть себе сделали от души!

В комнату, обнимая по очереди дочерей и племянниц покойного, зашли новые соболезнующие.

– Вая-я-я, еле доехали, – вздохнула белолицая женщина в просторном темном платье с блестками. – В Хаджал-махи пробка была на все село, потом, когда асфальт кончился, мотор заглох. Сразу какие-то машины остановились с ребятами, момент, – починили.

– Сейчас дороги хорошие, Манарша, ты же помнишь, как раньше в скалы рельсы вбивали, сверху деревянные доски клали и так ехали, – сказала хозяйка, складывая на животе запачканные мукой руки.

– Развернуться нельзя было! – с чувством подтвердила Манарша,

обращаясь к лачке.

Потом перебралась к бабушкам и они заговорили на аварском о родне, о том, как жарко в Махачкале, и какие там комары, и как покойный Хасан в молодости бывал на праздниках и свадьбах ряженым, прыгал в маске зайцеволка или козла, сыпал толлокно, наливал вино, и как покойная Хапсат не хотела за него замуж и три раза сбегала из села, и ее ловили по пути в райцентр.

Наида вышла в соседнюю комнату, усталую убранную от дождя клеенками, на которых сушились раскрытые абрикосы. Тут же на полу в глубоких мисках лежали еще не заправленные медом турецкие сласти.

Дальше, на кухне, было шумно. Резали, натирали, кипятили, чистили, раскатывали, шинковали. Было много девушек: и сельских, и приезжих, городских.

– А, Наида, как выросла! С папой приехала? Мама поправилась? – заужжало вокруг. Ей подвинули стул, нож и ведро картошки.

После приветствий продолжили разговор о недавнем наводнении. Река подмыла фундамент школы и чуть не снесла железный мост.

– А Тайбат же есть, – тихо зашептала Наиде в ухо соседка, – пошла из реки камни таскать. Вот так юбку задрала, – соседка провела ребром ладони чуть выше своих колен, – камни туда сложила и несет. Какой позор был, вая-я-я!

На кухню, широко улыбаясь, шумно зашла белолицая Манарша.

Звонко перецеловавшись почти со всеми, она остановилась у тонкой узкоплечей девушки, складывавшей на блюдо нарезанные кругами помидоры.

– Этой девочки у нас свадьба осенью?

Та смутилась, оглядываясь на мать.

Мать, с большой родинкой на румяной щеке, всплеснула руками:

– За три месяца все залы забиты, не знаем, что делать. Она хочет только в «Маракеше», я ей говорю, зачем в «Маракеше», давай в «Европе» сделаем.

– Там беспонтово, мама-а, – тихо протянула девушка.

– Хабиб мне тоже говорит, мол, люди скажут, что мы деньги пожалели.

– А в «Эльтаве» нельзя что ли сделать? – спросила Манарша, беря нарезанный девушкой помидор и отправляя его в рот.

– В «Эльтаве» у ее подружки была, она не хочет там же.

– А чемодан взяли уже, да? – спросила хозяйка, заливая молозиво в конвертик из теста и защепляя концы.

– Не говори, – отмахнулась мать, – столько всего дали они, на три года ей хватит. Цепочка вот такой толщины, как горох! Шубу дали, трубку, одежду...

Манарша подсела к Наидиной соседке и тихо зашептала

– Там Бильма приехала, а Тайбат говорит, что ее Амира не просто так на допросы водили. Почему, говорит, он на мавлид сюда не приехал? Потому что, говорит, они зикр не признают. А я ей говорю, да нормальный парень Бильмин сын. Мы же все его знаем. То, что он с Абуса сыном общался, ничего не значит.

– Не говори, Манарша, – шептала собеседница. – Все нервы измотали им, пока мальчика таскали. Этого знаешь? Того знаешь? Эти книги откуда? Те книги откуда? 20 лет ему всего, зачем мучают? Братья хорошо его избили. Чтобы с кем не надо не связывался...

– Баху чай просит! – раздался чей-то крик.

Низенькая крепкая девица разлила густой до черноты чай в стеклянные стаканы и расставила их на подносе, бросив с краю горсть карамелей.

– Чамастак, для Баху покрепче сделай чай! – крикнула ей хозяйка.

На пороге показалась старуха, морщинистая и загорелая, в черном чохто, мешкообразном платье и шароварах. Женщины указали ей пальцами на прибывшую внучку. Внучка, простоволосая и слегка растерянная, сидела в углу, теребя пайетки на черной кофте и поглядывая на сноровистых сверстниц.

– Вай, дилляй, гъание ячIе, эбельул7, – протянула старуха и, приблизившись, принялась обнимать ее, смущая и забрасывая вопросами.

– Бабушка про учебу спрашивает, Бика́, – стали переводить девушке.

– Наш язык не знает она, – оправдывался чей-то голос.

– Мои тоже не говорят. Я им на своем, они на русском, – произнесла одна из собравшихся.

В это время вернулась Чамастак с одним стаканом на подносе.

– Баху крепче надо.

– Дильа абчи, я же говорила, – нахмурилась хозяйка, доставая шумовкой из кипящей воды вареные хинкал с молозивом.

– Честно говоря, – возмущенным полусшепотом обратилась Манарша к окружающим, – Баху ведет себя, как ханша. На всех мавлидах всегда она главная, на всех зикрах всегда она читает. Очень любит «лиля» заводить, и кушает за троих! Она в эту миску с хинкалом сейчас чуть сама не упала, я говорю!

Женщины тихо засмеялись.

– Вот ты даешь, Манарша!

– А что, неправда что ли? – возразила та, распуская улыбку во все белое лицо.

– А где Урузма? – вдруг спросила хозяйка.

Женщины засуетились. Старуха заговорила на аварском о том, что Урузма сегодня непременно обещала прийти попеть «лиля». Кто-то предложил отправить за Урузмой девочек и те, возбужденно шепчась, пошли к выходу. Наиду подняли с места и послали вместе со всеми.

2.

– Только поскорей! – крикнул кто-то – скоро опять зикр начнется!

Туман почти рассеялся. Верхушки гор очистились еще не до конца и выглядывали из белого неба темно-зелеными пятнами. Во дворе вдоль окон стояли длинные деревянные скамейки, где сидели соболезнующие мужчины.

– Быстро идем, а то смотрят на нас, – говорили девушки, оглядываясь друг на друга.

– Ты меня знаешь? Меня Эльмира зовут, – сказала смуглокожая, оглядывая Наиду с ног до головы, – я тебя на Арсенчика свадьбе видела, ты еще в красном платье была.

– Наверное, – улыбнулась Наида.

Когда вышли за ворота, Эльмира насмешливо обернулась к девушке, резавшей помидоры:

– Саида, там твой жених сидел.

– Завидуешь? – улыбнулась Саида.

– А платье выбрали? – спросила ее Бика, откидывая назад длинные волосы.

– Такое саулское платье! – зажглась Саида. – Кофейное, за 150 тысяч взяли, с японским шлейфом. Здесь, короче, корсет, здесь – ручная вышивка, жемчуг, сваровски, туда-сюда. У меня подружка когда замуж выходила, она в Москву ездила за платьем, но там таких шикарных нет, как в наших салонах. Купила лажовое, без шлейфа. Жених оплатил.

– Да, у некоторых женихи и машину сами оформляют, – мечтательно затянула Бика. – А прическу знаешь где делать?

– В «Карине» думаю, у Зумруд.

– У Зумруд не делай, – покачала головой Бика. – Она всем одинаковые делает, на лицо не смотрит. И знаешь, что я тебе посоветую? Татуаж губ.

– Не-е-ет, больно же, Бика!

– Тебе укольчик сделают, больно не будет, не верь! – начала Бика, но низенькая Чамастак шикнула:

– Не кричите, вы же на букІон приехали! Твоя косынка где? – обратилась она к Бике.

– А я на мавлидах не сижу, мне можно без косынки, – пробурчала Бика.

– Слышите, что она говорит? – поразились Чамастак, всплескивая руками.

Наида прервала ее:

– Кто такая Урузма?

– Первая жена Хасана, мунагьал чураяв. Она с ним только год прожила, еще до войны.

– А почему так мало?

– Не нравилась ему. Родители его жениться заставили. Он чуть-чуть пожил с ней, а потом отослал.

Наида скользила по мокрым после дождя камням, цепляясь за стены с высеченными кое-где спиралями и арабскими надписями. В старой части села все дома сливались в одну единую каменную крепость с узкими улочками и арочными переходами. За дверными провалами необитаемых жилищ просвечивали длинные срединные столбы, черные от многовековой копоти. Урузма жила в одной из трехэтажных башен с маленькими не застекленными окошками и

плоской крышей, которую она укатывала бетонным катком.

Сюда – позвала Чамастак, и они поднялись по ступеням в просторную темную комнату с большими деревянными ларями по углам. Под потолком висели сушеные пучки зверобоя, полыни и крапивы, на стенах – деревянные ящики для кухонной утвари с унцукульской резьбой.

Урузмы не было.

– Может, в поле пошла? – тяжело выдохнула Эльмира.

– Сегодня не могла она пойти, сегодня третий день, – откликнулась Чамастак.

Вышли. Плоские, кое-где провалившиеся крыши уходили вниз по склону. Чуть ниже белели новые постройки с огородами. Внизу шумела река, а напротив, вынырнув из-за тумана вставала высокая лесистая гора.

С соседней крыши за ними наблюдала похожая на монахиню старушка в черном чохто.

– ГьурчІами!8 – обратилась к ней Чамастак на аварском. В ответ старушка охотно заговорила и, расспросив подробно про всех девушек, кто они и чьи, и откуда приехали, сообщила, что Урузмы сегодня не было с раннего утра.

Постояв в нерешительности, девушки отправились назад. Бика, обиженно шла впереди, теребя свои пайетки, когда прямо перед ней, на землю повалился осел и стал с ревом вертеться спиной в пыли. Бика пронзительно взвизгнула.

– ГІабдал9, – крикнула Чамастак.

– Чего? – не поняв ругательства, спросила Бика, еще не отойдя от испуга.

Эльмира засмеялась:

– Пойдемте, еще поищем Урузму. Может, она на кладбище?

– На кладбище ей сейчас нельзя, – ответила Чамастак, – нет ее там.

– Значит, в поле все-таки, – упрямо настаивала Эльмира. – Вон они, ходят.

И указала на гору.

Приложив ладонь козырьком ко лбу, Наида увидела, как по горным тропкам спускаются две маленькие согнутые женские фигуры с огромными стогами сена на спинах.

– Это Абасиляй и Каримиляй, – сказала Чамастак, прищурившись. – Это не Урузма.

– Ой, пойдите тогда назад, – заныла Бика, стряхивая с юбки поднятую ослом пыль.

– Да, – согласилась Эльмира. – только надо через магазин пойти. Вдруг, она там.

– А дети у нее есть? – неожиданно спросила Наида.

– Нет. И братьев-сестер тоже нет. Ее отца убили, когда она родилась только.

– Кто убил?

– Двоюродный брат. Урузмин отец же есть, он был ученый человек. Коран знал. Он себе в доме даже дырку сделал в стене, высовывал оттуда голову наружу и так читал Коран, чтобы светлее было. А уши глиной залеплял, чтобы шум не мешал. Ну вот, это, и когда умер его дядя, ему предложили ясин читать и другие молитвы на могиле. Несколько ночей он должен был на кладбище ночевать. А двоюродный брат его тоже немножко знал Коран и тоже хотел читать, но его алимы не пускали, потому что он был нечистый. Ему только 15 лет было – из-за этого. И, это, один раз даже подрались они двое на могиле. Но тут голос из могилы раздался и остановил их. Урузминому отцу от души завидовали, потому что он был ученый. Начали эти враги натравливать на ученого этого пацана, двоюродного брата. И мальчик его убил, в конце концов. Воткнул нож и побежал через все село прятаться у врагов.

– И судили его?

– Судили, только семья Урузмы мстить не стала. Маслиат¹⁰ сделали. Он в село вернулся через три года, надел белую простынь и пошел к Урузминой матери и братьям. Лег на землю, положил ей в руки нож и говорит, типа, я твой кьурбан¹¹, убей меня. Но она его простила.

Девушки дошли до магазинчика, у которого стояла высохшая золотозубая женщина с завернутой в лепешку халвой – даром для соболезнующих.

– Яхарай¹²? – обратилась к ней Чамастак и они, отойдя в сторонку, заговорили на аварском.

– Вай Алла-а-а, как мне надоело здесь, – протянула Бика,

доставая мобильник и вертя его в руках.

– Фотки покажи, – подскочила к ней Саида. – Аминка здесь какая красotka! Мамина!

– СубханАллах13, красивая, – согласилась Бика.

– Уя, это Баришка что ли, из Педа? – спросила Эльмира, тоже взглядывая на экранчик изящного телефона.

– Да, это мы фоткались, когда мелирование модно было.

– А ты что с ней общаешься? – возмутилась Эльмира, задирая смуглые руки. – Ее знаешь, как на телефон засняли? Я сама всю запись не видела, но у всех пацанов этот ролик есть. Русик мне даже кусочек показывал, где она в парке голая сидит, лицо прячет.

– Да ты что! – поразились Бика. – Это из-за этого она в Кизилюрт переезжает?

– Ее там тоже не оставят, – усмехнулась Наида.

В это время подошла Чамастак и, оглядываясь на удаляющуюся золотозубую женщину, заговорила:

– Родственница наша, в то село, наверху, замуж вышла. Тяжело, говорит. Света-воды нет. Шесть детей у нее, а еще четыре умерли без врачей. Она назад, домой пошла. До вечера будет идти.

– А почему не подвезет никто? – спросила Бика.

– Дороги нету туда, – отмахнулась Чамастак и зашла в магазин. За ней – Эльмира.

Когда они скрылись, на площадке перед магазином, вывернув из-за угла, остановилась серебристая тонированная Лада Приора с очень низкой посадкой. Из Лады проворно выскочили двое неизвестных молодых мужчин, которых Наида не успела толком разглядеть. Схватили брыкающуюся Саиду за плечи и потащили к автомобилю. Бика закричала и вцепилась Саиде в руку. Из магазина выбежали девушки, следом за ними – продавщица. Похитители отпихнули Бику, втолкнули Саиду в машину и в следующее мгновение уже скрылись из глаз, завернув за угол сельского клуба. Все произошло так неожиданно и стремительно, что никто не успел ничего толком предпринять.

Растрепанная Бика напала на Наиду:

– Ты что мне не помогала?

Продавщица крикнула что-то в сторону магазина, откуда высунулась маленькая девочка в старых колготках, и заторопилась к дому Хасана.

– Вабабай! – запричитала Чамастак и побежала вслед за ней.

3.

– Только поскорей! – крикнул кто-то. – Скоро опять зикр начнется!

Туман почти рассеялся. Верхушки гор очистились еще не до конца и выглядывали из белого неба темно-зелеными пятнами. Во дворе вдоль окон стояли длинные деревянные скамейки, где сидели соболезнующие мужчины. Мимо них прошли девушки, скромно потупив глаза, и скрылись за воротами.

После чтения дуа и тихих разговоров, пошли на веранду обедать. Ели, мысленно отправляя пищу душе покойного.

– Как доехал сюда, Муху? – спросил Шапи у крепкого мужчины с торчащей из-под кепки седой шевелюрой.

– В Гимры заезжал на могилу к деду. Он же в Гимрах умер, когда в хадж ехал, теперь там зиярат.

– Что люди говорят?

– На годекан ходил я. Очень недовольны люди... Уй! КТО14 было когда, к кому хочешь забегали, избивали, брали, что хотели. Там, где портреты имамов висят, нужду делали свою! Издевались над всем джамаатом, слушай! Хапур-чапур15 один! – Муху хлопнул ладонями по коленям. – Абрикос вырубали, груши вырубали! В коз стреляли даже. Выходить из дома не пускали, у одного старика вся отара пропала, разбежалась в горах. Лес жгли! Еле-еле, говорят, потушили... Ребят забирали.

– Не просто так же забирали, – сказал пухлощекий мужчина лет сорока в темно-синей рубашке, тесной в воротнике.

– Ле, Алексей! – воздел руки Муху. – К тебе домой если гость придет, ты что, на улицу пошлешь его? Когда боевик к тебе домой стучится, ты все равно ему хинкал с урбечем дашь! За то, что хинкалом бандита накормил, разве можно арестовать?

Шапи цыкнул:

– Сказки не рассказывай, Муху, просто так ничего не бывает.

– Отвечаю, бывает! – с жаром возразил Муху. – Вы ничего не знаете тут. Мы, говорит, их поименно знаем. Если поименно знаете, придите конкретно, по адресу, поймайте, осудите по закону. Зачем невинных людей унижать? Раз, в соседнее село целая армия приехала. Вертолеты, танки, гъарай-гъурай¹⁶! Обыск сделали – ничего не нашли. У одного парня газовый пистолет только забрали. Пришлось военным моего кунака сыну дивиди-диски подбросить и гильзы разные.

– Откуда знаешь, что подбросили? – спросил полный Хабиб недоверчиво.

– Как откудова? – подскочил Муху. – А зачем ему гильзы? Он – врач! Он одному человеку из леса голову зашивал, когда тот попросился. А что, прогнать что ли раненого? Врач должен лечить!

– Эти гимринцы после той большой войны беспокойные стали! – воскликнул Хабиб.

– Газалав говорит, – слабо улыбнулся Шапи, прислушиваясь к аварской речи худого старика в зеленой тюбетейке, сидящего на тахте, – в Гимрах всегда бедно жили и против богатых воевали. Они, говорит, у себя в долине фрукты выращивали, а мы на них со своих гор сверху вниз смотрели.

– Какие там сейчас фрукты! – махнул рукой Муху, – Все под ГЭС затопили, из-за этого лучшие сады под воду ушли и холоднее стало. Сейчас хурма уже так хорошо не растет. А у вас в Цунте что растет? – обратился он к молчаливому ширококостному мужчине, глядящему в пол.

Тот улыбнулся:

– У нас ничего не растет. Альпийские луга, пастбища – навалом, а растет плохо. Дороги зимой закрываются, доехать нельзя, канализации нет, – пробурчал он под нос с сильным акцентом. – Раньше в Грузию на базар ходили, а сейчас границы закрыли, половину родственников там осталась и в гости не пускают.

– Вас же переселяли на равнину, дома даже в горах разрушили, чтобы не вернулись, а вы снова в эти скалы! – воскликнул Хабиб.

Цунтинец нахмурился.

– Ты не знаешь, как мы шли! Бабушка говорила, посадили детей

на ослон и пешком в Чечню пошли по снежным перевалам. Идти не хотели. Прятались и ночью возвращались в разрушенное село. Их снова идти заставляли! По дороге умирали. А в Чечне как было? Умирали тоже все, болели. Комаров там много, болот, а в горах комаров нет. Малярия развелась. Кукурузу пришлось сажать, а наши люди ее в первый раз видели. Некоторые убегали назад, в родное село, их ловили и силой обратно везли, – пробурчал он угрюмо.

Потом вдруг негромко рассмеялся:

– Выборы у нас были... Такой бардак, слушай! Глава администрации милиционера участкового избил кулаками. В Кидеро. Участковый хотел его людей в участок повезти за то, что они из ружья другого кандидата людям под ноги стреляли. Такой хипиш был! И тут наш глава взял, ударил участкового.

– Но все равно же его переизбрали!

– Еле как! Эти бежтинцы не давали выиграть. У нас же как, нас тогда выслали, бежтинцев оставили. И они думают, они нас умнее, ближе к городу. Глава их участка в пиджаке ходит. Когда райцентр из Бежты в Кидеро, за перевал перенесли, так злились они! Теперь хотят, чтобы бежтинский участок отдельно жил. Или чтобы их глава-бежтинец общим главой администрации стал. Брат бежтинца же есть, в Народном собрании сидит, кого надо против Цунты настраивает. За голос пять-шесть тысяч платили! В Тляцуда другой их брат директором школы был, а наш глава ее закрыл.

– Зачем, ва?

– Учителей больше, чем детей было. Кормушка ихняя. Зачем такая школа? В Тляцуда другая школа есть. Столько митингов было в Бежта! Из-за того, что бюджет воруют.

– Вая, еще как воруют, – подтвердил Хабиб, – у нас тоже воруют!

– Пока выборы шли, драки были, собрания. Это редактор из ихней газеты делал, родственник бежтинца. Они там что-то не поделили, и бежтинец газету закрыл. А редактор начал хипиш делать, митинги делать, на видео их снимать. А другой брат бежтинца, который в ДПС работает, остановил машину редактора, избил его и его людей, видеокассету забрал.

Цунтинец снова негромко засмеялся.

– А может, и врут люди. В Бежте лиса сидит, а наш глава администрации тоже барсук. Врет, что зарплату старикам раздавал. У меня места жить в селе, говорит, нет. Ва, барсук!

Цунтинец снова усмехнулся и снова замолк, упершись ладонями в колени и опустив голову.

– А нашего Уллубия изберут в райцентр, интересно? – спросил скуластый молодой человек в очках и шапке с козырьком.

– Уллубий мечети строит, – с уважением произнес Хабиб.

– Тут наводнение было, надо мост чинить...

– Уллубий починит! – закивали мужчины.

– Он хотел в ректоры пойти, в городе, – крикнул Хабиб, – но там лезгинская очередь, туда нельзя. Еще в суд хотел, но там братья Магомедовы, их место.

– А сейчас Абдуллаев может победить.

– Кто сказал? – возмутился Хабиб.

– У Абдуллаевых у одного козленка на боку «Аллах» написано.

– Не у них! Это у чабанов каких-то бедных такой козленок!

– Этот чабан – Абдуллаева троюродный брат. Абдуллаев к нему в гости ходил, с козленком снимался. Знамение, люди говорят.

Молодой человек покачал головой со вздохом:

– Теперь начнется зиярат к козленку! Абдуллаев – тупой, все это знают.

– Э, ты как о старших говоришь? – возмутился Муху.

– Халилбек звонил, – прервал их Шапи, – сейчас перезвоню ему, он приехать должен.

Пока Шапи перезванивал, все молчали. Вошла хозяйка, ловко собрала грязную посуду и вышла. Старик в тюбетейке листал аварскую газету, устало откинувшись на тахту.

– Не доступен. Наверное, в тоннель заехал, – сказал Шапи.

Встали, говоря послеобеденное «алхамдулилля», задвигали стульями. Пока выходили во двор, к деревянным скамейкам, Муху коснулся Шапи и заговорил, ухмыляясь и указывая локтем в сторону соседнего села.

– Ле, ты слышал, что весной у наших соседей было?

– Слышал, – неодобрительно отозвался Шапи. – В каждом селе у нас разные люди, хоть одной нации. В одном – трудяги, в другом

– математики, в третьем – поэты, в четвертом – ученые, в пятом – разбойники, в шестом – мастера, в седьмом – дураки. Эти, – он кивнул туда же, куда Муху указывал локтем, – дураки.

– А что стало? – любопытствовал пухлощекий Алексей.

– На восьмое марта один учитель поздравил жену другого сельчанина с женским праздником, – улыбаясь начал Муху. – Муж, когда увидел, что его жену поздравили, сел на мотоцикл, догнал учителя и нос ему откусил!

– Нос?

– Отвечаю, нос! Кончик! – подтвердил Муху. – А потом они...

Рассказ Муху прервала вбежавшая во двор продавщица из магазинчика.

– Вай, Гадамал¹⁷! – запричитала продавщица и забежала в дом.

Следом, запыхавшись, влетела Чамастак и, не глядя на мужчин, ринулась за продавщицей. В доме слышались восклицания. Мужчины всполошились. К Хабибу подбежал белобрысый мальчик лет семи и сказал, что Хабиба просит жена. Жена, Саният, с большой родинкой на побелевшей щеке, выскочила во двор и, дрожа, смотрела, как Хабиб подходит к ней, переваливаясь грузным телом с ноги на ногу.

– Нашу дочь украли, – произнесла она чужим голосом.

– Что ты сказала? – не поверил Хабиб.

– Вай, эбел¹⁸! – запричитала та, закрывая лицо ладонями.

Вокруг уже толпились соболезнающие. Молодой человек, потемневший, с дикими глазами, рванул за ворота. Хабибу стало плохо, кто-то побежал за корвалолом.

– Они только через райцентр могли поехать, – горячо убеждал Хабиба Муху. – Сядем в газель, возьмем свидетелей и догоним!

Саният закрыла лицо платком и рыдала. Остальные стояли молча.

Продолжение следует >> Neкаýalar